

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ХРОНИКА

УДК 811.112.2'23+811.161.1'23

ББК 81.2Рус+81.2Нем

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-154-159>**О. А. Кострова**
Самара, Россия**Olga A. Kostrova**
Samara, Russia**Принципы и практика контрастивного анализа жанров речевой коммуникации:****Рецензия на монографию В. Гладрова и Е. Которовой «Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung (Berlin: Peter Lang, 2018. 404 S.)»****Contrastive Analysis of Speech Communication Genres:****Principles and Practice Book Review: W. Gladrow, E. Kotorova «Speech Act Patterns in Russian and in German: A Contrastive Presentation (Berlin: Peter Lang, 2018. 404 p.)»**

Рецензия представляет читателю монографию В. Гладрова и Е. Которовой, посвященную основным понятиям и методологии исследования межкультурного речевого поведения. Актуальность исследования не вызывает сомнений ввиду назревшей необходимости теоретического обоснования контрастивных исследований, с одной стороны, и систематизации типичных ситуаций общения – с другой. Монография решает обе задачи. Впервые проводится масштабное, методологически обоснованное сопоставительное описание моделей речевого поведения (МРП) в русской и немецкой лингвокультурах, проведенное на материале национальных корпусов русского и немецкого языков. Авторы критически оценивают понятие «речевой акт» и приходят к его обобщенному пониманию как набора речевых действий в типичной ситуации. Обобщенная МРП фактически получает статус речевого микрожанра. Впервые выводится алгоритм контрастивного анализа, по которому описываются 22 коммуникативные ситуации, типичные для речевого общения в рассматриваемых лингвокультурах. Центром, организующим МРП в коммуникативно-прагматическое поле, считается иллокуция говорящего. Для контрастивного сравнения используются понятия структурной эквивалентности и адекватности. Монография, содержащая новые теоретические положения и практическое межкультурное сопоставление МРП, несомненно вызовет живой интерес не только лингвистов, но и практических преподавателей немецкого и русского языков.

Ключевые слова: контрастивная лингвистика, речевой акт, модель речевого поведения (МРП), иллокуция, семантический примитив, коммуникативно-прагматическое поле, структурная эквивалентность, адекватность.

This review presents a new monograph by Wolfgang Gladrow and Elisaveta Kotorova devoted to basic notions and methodology of intercultural verbal behavior. The increased necessity in the theoretical foundation of contrastive studies to the one hand and systematization of typical intercourse situations to the other shows the actuality of the research. In the monograph, the both tasks are solved. For the first time the book provides a large-scale description of «speech behavior patterns» (SBP) in Russian and German cultures, based on national corpora of Russian and German languages. The authors critically deal with the notion of speech act and come to conclusion, that it must be understood as a set of speech acts in a typical situation. The generic SBP is practically equal to a micro genre. The authors have elaborated the algorithm of contrastive analysis that has allowed describing of 22 communicative situations, which are typical for the cultures under analysis. A prototypical center, which organizes a certain SBP as a communicative-pragmatic field, is the illocution of the speaker. For contrastive comparison, the authors use the notions of equivalence and adequacy. The monograph includes a new theoretical framework and focuses on realized intercultural comparison of SBP. It serves a foundation for effective, innovative pedagogy and will be interesting not only for linguists but also for teachers of German and Russian.

Keywords: contrastive linguistics, speech act, speech behavior pattern (SBP), illocution, semantic primitive, communicative-pragmatic field, structural equivalence, adequacy.

Сведения об авторе: Кострова Ольга Андреевна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка.

About the author: Kostrova Olga Andrejevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of German Language.

Место работы: Самарский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: Olga_Kostrova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2044-6048>

Place of employment: Samara State University of Social Sciences and Education.

E-mail: Olga_Kostrova@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-2044-6048>

Контрастивный анализ востребован как в теоретической лингвистике, так и в практике вузовского и даже школьного образования. Несмотря на явную востребованность (вспомним хотя бы вузовский курс «Сравнительная типология родного и изучаемого языков»), теоретических работ в этой области непросто найти; авторы в основном заимствуют принципы анализа из общей типологии и сравнительно-исторического языкознания (см., например, [1]) или из внутриязыковых исследовательских тенденций [2: 12]. Отсутствует и практика системного сопоставления речевых жанров, столь необходимая в преподавании иностранных языков. На этом фоне с большим удовлетворением хочется отметить появление книги Вольфганга Гладрова и Елизаветы Георгиевны Которовой «Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung» [3]. Книга посвящена выявлению специфики стратегий речевой коммуникации и сценариев речевого поведения в немецкой и русской лингвокультурах. Выбранный авторами аспект исследования до сих пор остается в отечественной лингвистике практически *terra incognita*. В зарубежной лингвистике этот аспект изучался с позиций методики преподавания иностранного языка. В монографии дается обзор, знакомящий читателя с этапами развития контрастивных исследований, связанных с речевыми актами, что само по себе представляет интерес для русскоязычной аудитории.

Рецензируемую книгу выгодно отличает то, что в ней представлена единая теоретико-методологическая основа системного контрастивного анализа коммуникативно-прагматических феноменов. Авторы обращаются к понятию речевого жанра в трактовке М. Бахтина, показывая жизненность этого понятия. Единицей контрастивного анализа избирается модель абстрагированных речевых действий (номинация, вынесенная в название книги – *Sprachhandlungsmuster*). Обращают на себя внимание терминологические различия. В названии авторы используют компонент *Sprachhandlung*-, дословно переводимый как *языковое действие*. В русской лингвистической традиции устоялся термин *речевое действие*, поскольку имеется в виду процесс производства речи. Немецкий термин, обозначающий речевой акт, соответствует английскому (*speech act*) и русскому эквивалентам – *Sprechakt* [4: 275]. Выбирая компонент

Sprachhandlung-, авторы подчеркивают, что их интересует не процесс производства речи как таковой, а обобщенный языковой результат этого процесса – обобщение возможных выражений какой-либо иллокуции, иными словами – модель речевого поведения (МРП) [3: 23–24]. Русский вариант перевода предложен самими авторами [3]. Каждая модель представляет собой связку (*Bündel*) глагольных и неглагольных действий, относящихся к ситуации межличностного общения. Всего таких ситуаций, отобранных по принципу частотности, с одной стороны, и специфичности в той или иной культуре – с другой, проанализировано в книге двадцать две, что свидетельствует о широте охвата жизненных ситуаций и фундаментальности проработанного материала. Чтобы представить эту широту и фундаментальность, достаточно сказать, что в имеющихся работах, выполненных даже на материале одного языка, не говоря о контрастивных исследованиях, обычно описываются средства выражения какого-либо одного речевого акта, например, просьбы или приказа, прямого или косвенного вопроса и под. Назовем некоторые из проанализированных в книге ситуаций. Это широко востребованные ситуации приветствия и прощания, казалось бы, достаточно известные в практике преподавания иностранных языков; ситуации, на которые обращается не так много внимания – особенно в плане контрастивного сопоставления – выражение благодарения и приглашения, извинения и соболезнования, поздравления и комплимента; востребованные в процессе подготовки к ЕГЭ ситуации согласия и отказа; ситуации, которые в процессе преподавания обходятся молчаливо, например, выражение угрозы или оскорбления; ситуации, выражающие разного рода побуждения к действию, такие как просьба, приказ, совет и некоторые другие. Уже простое перечисление ситуаций заинтриговывает и с особой убедительностью подчеркивает, что подобный анализ был возможен только на солидной методологической базе.

Авторы изложили свою концепцию в русском варианте [5]. Остановимся вкратце на ее основных положениях. Концепция сочетает идею естественного семантического метаязыка, выдвинутую А. Вежбицкой, и теорию коммуникативно-прагматического поля как организующего центра, позволяющего систематизировать средства выражения типичных речевых действий. В предлагаемой концепции

подкупает интеграция идей и методов, разработанных в разных лингвистических школах, что несомненно послужит толчком к развитию как отечественной, так и западной лингвистической мысли.

В монографии находит практическое применение теория естественных семантических примитивов, которая, по мнению авторов, не получила достойного признания. Насколько мне известно, в отечественной германистике отсутствует опыт анализа коммуникативных ситуаций с позиций этой теории. Приводимая в книге экспликация иллокуций говорящего позволяет отчетливо увидеть инвариантные компоненты речевого действия, универсальные для обеих культур. Эти инвариантные компоненты служат переходным звеном к теории коммуникативно-прагматического поля.

В отечественной лингвистике теория поля развивалась в основном в функционально-семантическом направлении [6], хотя на материале концептов и сложных предложений апробировались и другие подходы [7, 8, 9]. Речевой жанр изучался как поле М. Ю. Федосюком [10]. Тем не менее, обобщенные речевые акты как МРП структурируются в виде поля впервые. Логичным представляется определение поля как коммуникативно-прагматического в соответствии с функциями анализируемых единиц. К коммуникативно-прагматическим факторам относятся все невербальные феномены, влияющие на процесс выбора языковых форм для реализации коммуникативной цели. Авторы описывают три группы таких факторов: социальные, культурные и ситуативные [3: 30]. Сами по себе эти факторы известны в лингвистике; новизна представляет их обширный охват, систематизация и межкультурное сопоставление. Среди социальных факторов выделяются социальный статус коммуникантов и их принадлежность к определенным социальным и профессиональным группам, уровень образования, семейное положение и ряд других. Не остаются без внимания и биопсихологические факторы: пол, возраст и даже состояние здоровья коммуникантов. Учитываются национальная принадлежность субъектов речи (что особенно актуально в связи с проблемой миграции), региональные различия, языковая компетенция, а также психотип коммуникантов и степень их знакомства друг с другом. Столь подробная дифференциация делает возможным не только всесторонний учет языковых вариантов, но и их адекватное объяснение, а в контрастивном плане – выявление тончайших различий в употреблении даже внешне сходных МРП, имеющих аналогичную речевую реализацию в немецком и русском языках.

Не меньшую значимость при контрастивном сопоставлении имеют и культурные факторы,

тесно связанные с особенностями оформления речевых жанров. Здесь особенно важны знания этикетных норм и социальных стереотипов. Имеющиеся публикации по близкой тематике [11] вызывают читательский интерес, но явно недостаточны для сколько-нибудь полного освещения проблемы. Социально-культурные феномены, которые порой трудно разграничить, определяют выбор языковых образцов, ситуативные факторы формируют конкретные модели речевых действий.

Возвращаясь к теории поля, отметим, что продуктивным является приводимое в монографии уточнение центральных и периферийных признаков языковых единиц, входящих в его структуру. До сих пор основное внимание при определении этих признаков уделялось центральным компонентам [6: 31–36] и только в редких случаях в поле зрения исследователей попадали периферийные признаки [12: 7–8; 13]. В рецензируемой монографии центральные и периферийные признаки даются в оппозиции, соответствующей системному подходу [3: 34].

Наконец, особую ценность представляет, на наш взгляд, то, что коммуникативно-прагматические поля строятся на материале двух лингвокультур, при этом авторы предлагают алгоритм контрастивного исследования, который предусматривает описание типичных коммуникативных ситуаций и возможностей их реализации в рассматриваемых языках [3: 27]. Содержательной основой таких ситуаций служат надязыковые модели, выведенные авторами на основе семантических примитивов. Модель состоит из нескольких элементов высказываний, объединенных общей иллокутивной целью, которая не зависит от языка и культуры и служит организующим фактором соответствующей модели. Как отмечалось выше, авторы не просто определяют иллокутивные цели, но приводят их семантические экспликации, обнажая тем самым скрытые внутренние мотивы того или иного действия.

В книге используются понятия структурной эквивалентности и адекватности, заимствованные из теории перевода [14] и адаптированные авторами для контрастивного анализа. Эквивалентность понимается как системное соответствие языковых структур на основе функциональной идентичности. Это градуированное понятие, которое может проявляться как полное, частичное или нулевое совпадение структур в немецком и русском языках. Адекватность авторы интерпретируют как системное соответствие между реализацией МРП в русском и немецком языках, основанное на коммуникативной идентичности и равенстве иллокуций [3: 35]. В конкретном сопоставлении выделяются 4 случая сочетания

этих понятий [5: 34–35]. Учитывая принципиальную важность понятий для контрастивного анализа, выскажем некоторые соображения по этому поводу. К первому случаю относятся МРП, в которых эквивалентность и адекватность в обоих языках совпадают, например, при соответствии потенциально модального значения совершенного вида русского глагола модальному глаголу, эксплицированному в немецком образце: *Вы не скажете...?* и *Können Sie mir nicht sagen...?* [3: 36]. Заметим, что в этом примере ярко проявляется языковая идиоматика: функциональная идентичность реализуется при формальном несовпадении структур, имеющих аналогичное значение, имплицитированное в русском и эксплицитно выраженное в немецком языке. Ко второму случаю авторы относят МРП, в реализации которых прагматическая адекватность сочетается с неэквивалентностью языковых средств. Например, русские побудительные структуры прагматически адекватны немецким только тогда, когда в последние добавляются частицы, составляющие одну из характерных черт немецкого языкового строя. Частицы смягчают побуждение, которое без этого компонента звучит слишком грубо. Примеры авторов: *Дай чем писать!* и *Gib mal was zum Schreiben!* Третий случай не столь распространен, сюда относятся МРП, реализуемые в одном языке и отсутствующие в другом. Это относится, например, к специфическим приветствиям. Так в немецкой культуре есть особое приветствие в жаргоне рыбаков в честь покровителя рыбаков апостола Петра, отсутствующее в русском языке: *Petri Heil!* В свою очередь, в русской культуре для приветствия старших по чину военных используется выражение «Здравия желаю/желаем!», эквивалента которому нет в немецкой культуре. Наконец, авторы отмечают случаи, когда эквивалентность структур не ведет к прагматической адекватности, что можно наблюдать при дословном переводе некоторых конструкций. Например, в русской культуре принято поздравлять с такими праздниками, как Новый год и Рождество, используя перформативный глагол: *Поздравляю Вас с Новым годом!* В немецкой культуре с этими праздниками поздравлять не принято, поэтому дословный перевод не адекватен, перформативный глагол заменяется пожеланием; фактически поздравление реализуется в не прямой форме: *Ich wünsche Ihnen ein gutes Neues Jahr!* [3: 36]. Описание подобных случаев при анализе сопоставляемых МРП представляет особую ценность, поскольку вводит в соответствующий культурный код, отличающийся от кода родной культуры.

Структуру МРП авторы стремятся описывать на трех уровнях: пропозиционально-семантическом, конструктивно-синтаксическом и дискурсивном. Этот принцип, однако, не везде выдерживается. Не всегда последовательно описывается пропозиционально-семантический уровень, который зависит от содержания модели. Например, на этом уровне в МРП КОМПЛИМЕНТ выделяются четыре компонента: говорящий, адресат, речевое действие и его обоснование [3: 144]. Этот уровень в МРП ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ определяется авторами как двучленный, содержащий директиву (побуждение к действию) и репрезентатив (описание возможного негативного следствия) [3: 341]. На наш взгляд, здесь можно было бы учесть и адресата, поскольку действие совершается в его интересах. На конструктивно-синтаксическом уровне приводятся русские и немецкие синтаксические модели, используемые для выражения намерения говорящего. Небезынтересно отметить, что для выражения предостережения используются двучленные сочиненные структуры, в которых первый член в форме императива выражает желаемое действие, а второй член описывает негативное следствие, фактически служащее обоснованием побуждения. Эта модель является универсальной для немецкого и русского языков. Дискурсивный уровень предусматривает реакцию адресата, например, принятие или непринятие комплимента, а в некоторых случаях и анализ частотности модели. Так, о комплиментах утверждается, что женщины получают их чаще, чем мужчины, а русские женщины чаще, чем немецкие [3: 146].

Тщательность анализа, характерная для рецензируемой работы, не оставляет простора для критики. Хочется, тем не менее, спросить авторов, почему они отнесли *danke* к частицам? [3: 72]. Во всяком случае в словаре под редакцией Варига *danke* определяется как наречие и формула вежливости [15: 327]. Русское *спасибо* относится, как правило, к этикетным междометиям [16: 734].

Подводя итог, отметим, что поставленные в монографии проблемы открывают новые перспективы исследований. В теоретическом плане – это, в частности, дальнейшая проработка соотношения контрастивной эквивалентности и адекватности. В практическом плане – это необъятные возможности исследования других МРП, реализуемых в разных коммуникативных жанрах, не только устных, но и в письменных, и в смешанных жанрах общения в глобальной сети.

Остается лишь пожалеть о том, что монография остается трудно доступной для отечественных германистов. Хотелось бы пожелать опубликовать ее с разрешения издательства

на русском языке. В настоящем журнале начало этому положено [5; 17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохина С. П., Кострова О. А. Сравнительная типология немецкого и русского языков: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2012. 208 с.
2. Ohnheiser I. Wortbildung im Sprachvergleich: russisch – deutsch. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1987. 154 S.
3. Gladrow W., Kotorova E. Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung. Berlin: Peter Lang, 2018. 404 S.
4. Ulrich W. Wörterbuch linguistische Grundbegriffe. 5., völlig neu bearb. Aufl. Berlin; Stuttgart: Gebr. Borntraeger Verl. Buchh., 2002. 352 S.
5. Гладров В., Которова Е. Г. Контрастивное изучение моделей речевого поведения // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 27–39.
6. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики: Введение, актуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 3-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 5–39.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. 226 с.
8. Суворина Е. В. Сложноподчиненные предложения с придаточным определительным в функционально-прагматическом поле атрибутивности (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 23 с.
9. Коломийцева О. Ю. Номинативные поля с семантическими центрами «терроризм» и «террористы» в газетном дискурсе ФРГ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2012. 19 с.
10. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
11. Кострова О. А., Беспалова Е. В., Коломийцева О. Ю. Дискурсивные стереотипы: межкультурный аспект концептосферы. Самара: ПГСГА, 2015. 208 с.
12. Карышева А. В. Периферийные синтаксические средства выражения причинных отношений в современном немецком языке и их дискурсивно-прагматический потенциал: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004. 21 с.
13. Петрянина О. В. Локативность как периферийное средство выражения темпоральных отношений в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 26 с.
14. Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М.: Международные отношения, 1981. 248 с.
15. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. München: Mosaik Verlag, 1986. 1493 S.
16. Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.
17. Которова Е. Г. Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках: Сопоставительное исследование // Жанры речи. 2016. № 1(13). С. 65–77.

REFERENCES

1. Anochina S. P., Kostrova O. A. *Sravnitel'naja tipologija nemeckogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of native and foreign languages]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012. 208 p. (in Russian).
2. Ohnheiser I. *Wortbildung im Sprachvergleich: russisch – deutsch*. Leipzig, Verlag Enzyklopädie, 1987. 154 S.
3. Gladrow W., Kotorova E. *Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung*. Berlin, Peter Lang, 2018. 404 S.
4. Ulrich W. *Wörterbuch linguistische Grundbegriffe*. 5., völlig neu bearb. Aufl. Berlin, Stuttgart, Gebr. Borntraeger Verl. Buchh., 2002. 352 S.
5. Gladrow W., Kotorova E. Contrastive study of speech behavior patterns. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 27–39 (in Russian).
6. Bondarko A. V. Vvedeniye. Osnovaniya funkcionalnoj grammatiki [Foundations of functional grammar]. In: *Teoriya funkcionalnoj grammatiki: Vvedeniye, aspektualnost', vremennaja lokalizovannost', taksis* [Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, localized temporality, taxis]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003, pp. 5–39 (in Russian).
7. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaja lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST "Vostok – Zapad" Publ., 2007. 226 p. (in Russian).
8. Suvorina E. V. *Slojnopodčinjonoje predloženiye s pridatočnym opredelitel'nyim v funkcionalno-pragmatičeskom pole atributivnosti (na materiale sovremennogo nemeckogo yazyka)* [Compound sentences with attributive clauses in functional-pragmatic field (on the matter of contemporary German)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Samara, 2006. 23 p. (in Russian).
9. Kolomijceva O. Yu. *Nominativnyje polja s semantičeskimi centrami "terrorizm" i "terroristy" v gazetnom diskurse FRG* [Nominative fields with semantic centers 'terrorism' and 'terrorists' in German newspaper discourse]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Samara, 2012. 19 p. (in Russian).
10. Fedosjuk M. Ju. *Nereshjonnyje voprosy teorii rečevyč žanrov* [Unsolved problems of speech act theory]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).
11. Kostrova O. A., Bespalova E. V., Kolomijceva O. Yu. *Diskursivnyje stereotypy: mežkul'turnyj aspekt konceptosfery* [Discourse stereotypes: Intercultural view of concept sphere]. Samara, PGSGA, 2015. 208 p. (in Russian).
12. Karysheva A. V. *Periferijnyje sintaksičeskije sredstva vyraženiya pričinnych otnošenij v sovremennom nemeckom yazyke i ich diskursivno-pragmatičeskij potencial* [Peripheral syntactical expression means of causal relations in contemporary German and their discourse-pragmatic potential]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Samara, 2004. 21 p. (in Russian).
13. Petranina O. V. *Lokativnost' kak periferijnoje sredstvo vyraženiya temporalnych otnošenij v sovremennom nemeckom yazyke* [Locality as peripheral expression mean for temporal relations in contemporary German]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Samara, 2007. 26 p. (in Russian).
14. Latyshev L. K. *Kurs perevoda: Ekvivalentnost' perevoda i sposoby yejo dostiženija* [Manual of translation: equivalence of translation and how to reach it]. Moscow, Meždunarodnyje otnošenija Publ., 1981. 248 p. (in Russian).

15. Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. München, Mosaik Verlag, 1986. 1493 S.

16. *Russkaja grammatika*. T. I: *Fonetika. Fonologija. Udarenije. Intonacija. Slovoobrazovanije. Morfologija* [Russian grammar. Vol. I. Phonetics. Phonology. Accent.

Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p. (in Russian).

17. Kotorova E. G. The speech behavior pattern of “request” in Russian and German: a contrastive study. *Speech Genres*, 2016, no. 1(13), pp. 65–77 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 04.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кострова О. А. Принципы и практика контрастивного анализа жанров речевой коммуникации: Рецензия на монографию В. Гладрова и Е. Которовой «Sprachhandlungsmuster im Russischen und Deutschen: Eine kontrastive Darstellung (Berlin: Peter Lang, 2018. 404 S.)» // *Жанры речи*. 2019. № 2 (22). С. 154–159. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-154-159>

For citation

Kostrova O. A. Contrastive Analysis of Speech Communication Genres: Principles and Practice Book Review: W. Gladrow, E. Kotorova «Speech Act Patterns in Russian and in German: A Contrastive Presentation (Berlin: Peter Lang, 2018. 404 p.)». *Speech Genres*, 2019, no. 2 (22), pp. 154–159. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-2-22-154-159>